

Зачем медиевисту нужны архивные фонды Нового времени? (на примере коллекции "Бенедиктинцы-Лангедок" Национальной библиотеки Франции)

Научный руководитель – Panfil Didier

Михальчук Анна Алексеевна

Студент (магистр)

Университет Париж III Новая Сорбонна, Париж, Франция

E-mail: frd-mik@yandex.ru

Сегодня провозглашение себя «медиевистом, изучающим источники Нового времени», часто вызывает диссонанс и недопонимание. Причём, речь идёт не о спорном в отношении периодизации Раннем Новом времени, а о самом «классическом» веке Просвещения. Чаще всего сами того не сознавая, медиевисты оставляют без внимания огромный пласт источников, способных не только по-новому раскрыть уже ставшие классическими вопросы феодализма, взаимоотношений императоров и королей с римскими папами или символичности средневековой культуры, но и найти совершенно новые ракурсы, сформулировать оригинальную проблематику, а порой даже открыть научному сообществу уникальное, подвергающее сомнению даже крепко укоренившиеся истины.

Таким потенциалом обладает наследие эрудитов, в первую очередь французских, так как именно во Франции XVII-XVIII вв. эрудитская историография зародилась и получила своё развитие [2, р. 18-23]. Эту географическую специализацию можно объяснить интересом, который возникает в XVII в. в среде французских интеллектуалов не просто к самому прошлому, а к его предметам. Коллекционирование древностей, прежде всего монет и медалей, постепенно приобретает критический характер [12, р. 135-142] и с 1681 годом, когда в свет вышел трактат Жана Мабильона «De Re Diplomatica», исследователи связывают начало изучения не столько «древностей», сколько «доказанных свидетельств» (*preuves*), которые в руках эрудитов обладают признаками того, что уже в XIX в. классики будут понимать под «историческим источником» [10, р. 35-37, 43-45]. Мабильон, будучи членом конгрегации Святого Мавра бенедиктинского ордена, дал виток историографического подъёма в своём ордене и во всей Франции. Однако именно с именами мавристов часто связывают переломный момент в исторической науке, когда «следы» (*témoins*) прошлого перестают приниматься за абсолютную истину, а подвергаются критике, причём не только внутренней, но и внешней [1, с. 33-35].

Хотя Жан Мабильон совершил «эрудитский» переворот именно в жанре трактата, а его собственное творчество изобилует ими, основным жанром мавристов было суждено стать «истории» [3, р. 19]. Работая в рамках этого самого древнего жанра, эрудиты сменили назидательный, занимательный рассказ с примерами из прошлого и строго датированную монахом аббатства Сен-Дени хронику на восстановленную по собранным хартиям и актам историю города, ордена, церкви, провинции или даже всей страны. Так, каждая из этих историй уже строго делится на две части: собственно повествование и «доказательства» (*preuves*), состоящие из текстов актов и рисунков иконографических источников, использованных эрудитами при написании этого труда [11, р. 6-9]. Эти «доказательства» и представляют главный интерес для медиевиста.

Ещё в XVII в. деятельностью гениального эрудита Франсуа-Роже де Гэньера (1642-1715) была заложена традиция организации целой группы для работы со свидетельствами прошлого: палеограф Бартеlemi Реми и художник Луи Будан сопровождали Гэньера в его путешествиях по Бретани, а также работали самостоятельно по поручению эрудита и в других концах Франции. Итогом стала огромная коллекция срисованных портретов,

гробниц, печатей, памятников королей и местной бретонской знати, а также тысячи копий средневековых документов, часто целыми картуляриями [12, p. 208-226].

Если у Гэньера так и не получилось самостоятельно включить все свои находки и копии в исторический труд за его авторством, то мавристам это удалось по отношению и к Бретани [12, p. 204-207] (первой провинциальной истории, написанной мавристом, опубликованной в 1707 году), и к Лангедоку, и к Дофине, и к Бургундии, и к Лотарингии, и к Шампани [11, p. 11-12]. Размах предприятия действительно впечатляет, но остановимся на одном примере, едва ли не самом ярком. «Общая история Лангедока» [8] - самая крупная провинциальная история, написанная мавристами, и до сих пор являющаяся одним из самых ярких и достойных трудов по истории юга Франции. В 1708 г. штаты провинции Лангедок по указанию председательствующего на них архиепископа Нарбона, антиквара и собирателя книг, - Шарля Ле Гу де Ла Бершера - поручили мавристам написать исчерпывающую историю провинции. Сначала ответственными назначили Пьера Озера и Антуана-Габриэля Марклана, которые в течение 5 лет занимались сбором материала для написания истории исключительно в библиотеках Лангедока. Пренебрежение работой в архивах послужило причиной их конфликта с заказчиком труда - архиепископом Нарбона. Шарль Ле Гу де Ла Бершер даже обратился с жалобой к генеральному настоятелю мавристов, который принял решение заменить ответственных за написание этого труда. Только тогда в 1715 г. ими стали Клод Девик (1670-1734) и Жозеф Вэссет (1685-1756). Оба они имели южнофранцузское происхождение, но как только были призваны к написанию истории своей родины, практически перестали её посещать, почти всё время находясь в стенах ставшего родным аббатства Сен-Жермен-де-Пре [9, p. 20-45]. В отличие от Гэньера, у Дэвика и Вэссета видна тенденция к отходу от собственно коллекционирования документов как предмета антиквариата в пользу тщательного их отбора, классификации и критики, во многом благодаря помощи провинциальных коллег, имеющих непосредственный доступ к оригиналам [4].

Сегодня собранное для написания истории Лангедока наследие в виде тысяч копий документов как их собственных, так и корреспондентов, оригиналов, рисунков и гравюр хранятся вместе с многочисленными проектами, черновиками, вариантами самой истории в коллекции «Бенедиктинцы-Лангедок» Национальной библиотеки Франции [11, p. 23-29]. Объём её (131 том) свидетельствует о размахе самого предприятия, как и о проделанной работе эрудитов. Их бумаги, оригиналы средневековых хартий и актов и сделанные с них копии были собраны после их смерти сначала братьями по конгрегации, а позже - одним из величайших библиотекарей Франции Леопольдом Делилем (1826-1910) [7, p. 255-259]. Наибольшее внимание медиевистов заслуживают оригиналы и копии документов и иконографических источников, сохранившиеся в этой коллекции. Так, мы имеем возможность прикоснуться к оригиналам актов купли-продаж между жителями Нарбона [5, fol. 8, 16], завещания Жанны Тулузской [6, fol. 7], дарения аббатству Святой Марии в Лагресе [5, fol. 9]. Наличие большого числа «частных» оригинальных хартий и актов действительно удивляет, ведь «Общая история Лангедока» была задумана и написана о южнофранцузской знати и для неё [8, vol. I, p. 8-12]. Может быть, именно поэтому эти оригиналы были отложены в сторону, не включены в «доказательства» самими мавристами и забыты по сей день. Помимо того, что они способны пролить свет на многие реалии южной Франции, начиная от экономических отношений до распространения в этом регионе нотариата в Средневековье, эрудиты оставляют также копии многочисленных хартий и документов, которые не дошли до нас в виде оригиналов. Несмотря на встающий вопрос об их точности, это достояние бесценно: кто из медиевистов, изучающих средневековую Францию, откажется от неизвестных до сих пор клятв верности южнофранцузских графов французскому королю [8, vol. III, Preuves, p. 123-124, 133-134, 170-171, 182-183, 240-241, 336-338,

400], сентенций архиепископов в отношении вальденсов [8, vol. III, Preuves, p. 479-480] или хартий Людовика Молодого в отношении церквей Нарбона [8, vol. II, Preuves, p. 551-553]. Таким образом, потенциал документов, оказавшихся в руках современного медиевиста, благодаря эрудитам XVIII в., огромен. Стоит прибавить к этому составленные для издания Дэвика и Вэссета карты Лангедока разного периода, а также восемь листов со 166 гравюрами средневековых южнофранцузских печатей [8, vol. V, p. 685-687, planches], как тут же охватывает жалость прежнего игнорирования этих фолиантов. Безусловно, они нуждаются в современной дипломатической и источниковедческой критике, ведь все они, особенно копии, дошли до нас через восприятие эрудитов, которые их создали или просто держали в руках. Однако это верно и в отношении любого средневекового источника, не правда ли?

Источники и литература

- 1) Бедос-Резак Б. Методы познания: от печати к сигиллографии // Средние века, 2022. № 83 (1). С. 13-37. Пер. А. А. Михальчук, комментарии А. А. Михальчук, И. С. Филиппова.
- 2) Barret-Kriegel B. Les historiens et la monarchie. T. 2. La défaite de l'érudition. Paris, 1988.
- 3) Barret-Kriegel B. Les historiens et la monarchie. T. 3. Les Académies de l'histoire. Paris, 1988.
- 4) BnF, coll. Bénédictins-Languedoc, mss. 182-187.
- 5) BnF, coll. Bénédictins-Languedoc, ms. 194.
- 6) BnF, coll. Bénédictins-Languedoc, ms. 195.
- 7) Delisle L. Notice sur des collections manuscrites de la Bibliothèque nationale // Bibliothèque de l'École des chartes, 1871. T. 32. P. 237-290.
- 8) Devic C., Vaissète J. Histoire générale de Languedoc avec des notes et les pièces justificatives. Paris, 1730-1745.
- 9) Devic C., Vaissète J. Histoire générale de Languedoc. T. 1. Toulouse, 1872.
- 10) Hurel D.-O. Les Bénédictins de Saint-Maur et l'Histoire au XVIIe siècle // Littératures classiques, 1997. № 30. P. 33-50.
- 11) Lecomte M. Les Bénédictins et l'histoire des provinces aux XVIIe et XVIIIe siècles // Revue Mabillon, 1928. № 17.
- 12) Ritz-Guilbert A. La collection Gaignières: Un inventaire du royaume au XVIIe siècle. Paris, 2016.